

Жизнь, как хлеб, не приедается.

Время открывает новые имена женщин-фронтовичек. Одна из них Федосья Алексеевна Чебунина. Давно хотелось встретиться с этой женщиной, чей портрет, подаренный ее родственниками из Малого Куналея, хранится в музее «Родина» Бичурской средней школы.

И вот мы сидим в «хрущевке» с немудрящей послевоенной мебелью и... самопрялкой, столь непривычной в городской квартире. Федосья Алексеевна – маленькая, очень живая и очень больная женщина. К удивлению всех, кто знает ее, она не потеряла интереса к жизни, к людям неистребимого чувства юмора, который не вытравили невзгоды. Нет и не было, детей, болезни и немощи нарастают, тяжело болен муж – фронтовик, уходит из жизни радость. Но моя собеседница приветлива и подвижна. Не знает она слов Даниила Гранина о том, что «жизнь обладает одним чудесным свойством: она, как хлеб, не приедается», но живет по этому принципу.

И старого большого ридикюля Федосью Алексеевна высыпала на стол десяток наград – боевых и трудовых. Рядом легли благодарности Сталина, фронтовые фотографии, на которых она в солдатской шинели.

«Я родилась в 1922 году в селе Малом Куналее в семье колхозника. Нас было шестеро детей. Перед войной уехала в Читинскую область к тетке. Там с шестнадцати лет работала в колхозе на скотоферме. Грянула война, и мне принесли повестку: 950 молодых женщин и девушек из Бурятии и Читы направили на двухмесячные сборы в Улетовский район Читинской области для подготовки поваров. Закончилась учеба.

Каждой из нас дали вещмешок, кружку, ложку, мыло, полотенце и суточный паек. Эшелон шел на Северный Донец, в район станции Купянск. Мы этого, конечно, тогда не знали.

В пути начинались бомбежки. Следующий за нами поезд, который то обгонял, то отставал, разбомбили. А везли в нем семьсот молодых офицеров, лейтенантов, и 25 девушек – поваров. В живых осталось 70 человек. Остальные погибли, не увидев в глазани одного фашиста.

Я вошла в состав 120-го полка 39-й дивизии 8-й армии 3-го Украинского фронта. Два с половиной года не снимали шинели. Моей обязанностью было накормить после боя наших солдат. Мы пищу им развозили очень рано утром и поздно вечером. Они старались подойти бесшумно и взять свою порцию. Обед выдавали сухим пайком. Днем

особенно опасно было выезжать на позиции.

Готовить было непросто. Без конца копали ямки для котлов. Постоянно приходилось маскировать свет. Топить было нечем, собирали кизяки, все, что под руку попадет. Помогали и медсанбату. В своей части перевязывали раненых, стирали бинты, белье – одним словом, делали все, что надо. Переживали, когда наши уходили за «языком».

Страшно ли на войне? Не знаю – кому как. Поверите ли, нам, деревенским девчонкам, сначала было не столько страшно, сколько любопытно. Самолет летит – смотрим, интересно. Сидим как-то с Надей Сорокиной на бричке. Надя ноги свесила. Окоп недалеко, ребята кричат: «Дите - убьет». Я соскочила, а она не успела. Осколком прошило насмерть. Что скрывать – случилось, погибали не за честь и не за славу...

То, что пережили, в страшном сне не приснится. Забудешь ли, как нашего бойца Жеребко пополам разорвало, или как трое из 120 вернулись из боя? Куда эту кашу, которую мы сварили? На землю? Слезами умывались, жалея ребят.

А командир Балятин, который, уйдя с ребятами трижды в один день под бомбожку попал... Было это под Белой Церковью, в селе Богородиком. Самолеты бомбардировщики развернулись и снова летят, жирные черные капли лесенкой на тебя. В последний налет Балятин у скалы с солдатами стоял. На глазах поседел и осунулся. Нос как у покойника заострился.

Во всякой нации есть хорошие и плохие люди. Идем по Украине. Одни нам: «Пейте, солдатики». Квас, компот, молоко предлагают. А у других воды не выпросишь: «Вон за хатыною крыница. Пийдь та напийся». Одни поляки нам: «Пане, дзенькую, добже, добже», другие своих же плененных в концлагерях избивали.

Однажды наша кавалерия внезапно вышибла противника из городка. Немцы не успели вывезти своих раненых из госпиталя и перебили их. Вошли мы в город, и – поверите ли? – убитые и кое-где еще живые раненные немецкие солдаты в нижнем белье, как белые лебеди, лежат. Запомнила одного австрийца. Его не пристрелили. Красивый, щеки, как у целлулоидного пупса, глаза синие и в них смертельная тоска и страх. Накормили мы их, тех, кто живой остался, и дальше пошли.

А о себе что говорить? Участвовала в форсировании Днестра, Днепра, Вислы, и Одера. Имею три благодарности Верховного Главнокомандующего: за освобождение города крепости Познань, за прорыв обороны немцев на западном берегу реки Вислы, за форсирование Одера и наступление на Берлин.

В сорок четвертом на Днестре наш полк окружили, но поступил приказ

любой ценной удержать тот плацдарм, на котором мы зацепились. Приказ был выполнен дорогой ценой. За форсирование Днестра получила медаль «За боевые заслуги».

Тяжелые бои шли в Польше за освобождение Варшавы. Боже мой, как ликовали, обнимали нас, преподносили молоко, квас, хлеб, яблоки, цветы! Немцы обобрали жителей. Награбили кучи добра. В округе отобрали почти всю живность. Уток, коров, кур, свиней собрали в одном месте, но вывезти не успели. При освобождении наши солдаты награбленное немцами стали заново раздавать полякам.

17 января 1945 года я вместе с другими получила медаль «За освобождение Варшавы».

Больно вспоминать, сколько наших бойцов полегло за этот город.

На фронте давали наркомовские 100 граммов. Иногда привозили на кухню трофейное вино. Я не пила, свою норму товарищам отдавала. И табак тоже. Они мне, кто скопит свою норму сахара.

Однажды выпила. Осень, слякоть, ветер с крупой. Промерзла до костей. Хотела соскочить с подводы и села на землю. Ездовой Мунгали, казах, вытащил из чехла фляжку:

«На, Пеня, («Феня» не мог выговорить), пей». Глотнула и не почувствовала ничего: вода да вода. Он велит второй глоток выпить. Как горячую воду выпила. А тут бомбежка началась. И до того тяжело и обидно стало, что подумала: хоть бы скорей придавило и всему конец. Но все обошлось до сорок четвертого, когда сильно конфузило меня.

Что еще? Насчет любви на фронте сначала сильно строго было. А потом влюбляться разрешили. Многих побил. Говорят, кадры нужны. Беременным женщинам приданное давали и сопровождающего, чтоб вывел из прифронтовой полосы и посадил на проезд.

Победа застала меня в Германии, в городе Хейхин. Воевала в звании старшего сержанта. Домой вернулась 1 августа 1945 года. Работала в Малом Куналее в пекарне, в столовой детского дома. Потом переехала в Улан-Удэ. С 1961 года до ухода на пенсию работала дворником на радиоцентре».

Непросто живется Федосье Алексеевне и ее мужу фронтовику Федору Савельичу Чебуниным. Обступили недуги, непонимание того, что творится в нашем перекошенном мире.

«Люди без ужина спать не ложатся, а злые стали. Не пойму, почему сытые-то такие злые. Не все, но многие, - говорит Федосья Алексеевна. – Ну, а на своем четвертом этаже мы, как в западне, живем. Спуститься вниз в аптеку, в магазин – еще, куда ни шло, хоть и бросает из стороны в сторону. Но одолеть восемь пролетов лестницы вверх, все равно, что взлететь на

нашу, телебашню. Хоть себе пой: «Чому я не сокил? Чому не взлетаю?»

Такие скромные и мужественные труженицы войны, как Федосья Алексеевна Чебунина, и приблизили желанный час Победы. Пусть ее негромкое имя будет известно все.

Нелли КОРОБЕНКОВА.